

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIESУДК 316.37
<https://doi.org/10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373>Поступило в редакцию 03.04.2018
Received 03.04.2018**И. В. Котляров***Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь***ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОДА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)***(Представлено академиком Е. М. Бабосовым)*

Аннотация. В рамках социологического подхода рассматривается дефиниция «цивилизационный код», определяется место и роль его основных факторов в системе белорусского общества. Среди них особое место занимает историческая память как один из важнейших элементов цивилизации. В работе раскрыты существенные черты и структурные элементы исторической памяти, ее роль в сохранении и укреплении социально-духовных оснований бытия, возможного использования исторического опыта в деятельности людей или возвращения его в сферу общественного сознания. Под исторической памятью можно понимать как отбор, воспроизводство и трансфер социального опыта, важного и необходимого для сохранения накопленных знаний и опыта, передачу их от поколения к поколению, как восприятие истории массовым сознанием, как совокупность представлений о прошлом, существующих в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая когнитивный, образный и эмоциональный аспекты. Показано, что на переломных изломах истории, при переходе общества от одного качественного состояния к другому, историческая память может использоваться как инструмент идеологической борьбы и целенаправленного влияния на массовое сознание, быть наполнена специфическим информационным содержанием по запросам различных социальных групп и политических элит.

Ключевые слова: история, социология, цивилизация, цивилизационный код, будущее, прошлое, мониторинг, историческая память, идеологическая борьба, ценности, традиции, менталитет

Для цитирования: Котляров, И. В. Историческая память как важнейший фактор цивилизационного кода (социологический дискурс) / И. В. Котляров // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 364–373. <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373>

Igor V. Kotliarov*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus***HISTORICAL MEMORY AS THE MOST IMPORTANT FACTOR OF THE CIVILIZATIONAL CODE
(SOCIOLOGICAL DISCOURSE)***(Communicated by Academician Evgenii M. Babosov)*

Abstract. Within the framework of the sociological approach, the definition of “civilizational code” is considered, the place and role of its main factors in the system of Belarusian society are determined. Among them is a special place occupied by historical memory as one of the most important elements of civilization. The work reveals the essential features and structural elements of historical memory, its role in preserving and strengthening the socio-spiritual foundations of being, a possible use of historical experience in the activities of people or its return to the sphere of social consciousness. By historical memory are understood the selection, reproduction, and transfer of social experience, which is important and necessary to preserve accumulated knowledge and experience, their transfer from generation to generation, as the perception of history by mass consciousness as a set of ideas about the past existing in society both at a mass and individual level, including cognitive, imaginative, and emotional aspects. It is shown that on the turning points of history, at a transition of society from one qualitative state to another, historical memory can be used as an instrument of ideological struggle and purposeful influence on mass consciousness and filled with a specific information content at the request of various social groups and elites.

Keywords: history, sociology, civilization, civilizational code, future, past, monitoring, historical memory, ideological struggle, values, traditions, mindset

For citation: Kotlyarov I. V. Historical memory as the most important factor of the civilizational code (sociological discourse). *Doklady Natsional'noi akademii nauk Belarusi = Doklady of the National Academy of Sciences of Belarus*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 364–373 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373>

Современный мир переживает перманентную целенаправленную трансформацию, вызванную активной реализацией теории «управляемого хаоса» как стратегии конкретной социальной практики. Началась она с уничтожения биполярной системы международных отношений, разрушения Советского Союза и социалистической Югославии, распада Чехословакии. Затем были бомбежки суверенного европейского государства Союзной республики Югославии. По Ближнему Востоку прокатилось цунами «цветных революций». По мнению американских политиков, пространство ближневосточного региона и Магриба должно быть радикально зачищено для того, чтобы создать здесь условия для приращения американских ценностей с элементами западной демократии.

А между этими событиями была страшная трагедия в беднейшей африканской стране Руанда, жившей ненавистью противостояния этнического меньшинства – тутси и хуту, составлявших 90 % населения страны. Хуту, вооруженные ружьями, дубинками и мачете, убивали тутси, сжигали их жилища, насиловали женщин и детей. За несколько недель в страну было ввезено более пятисот тысяч мачете. В столице Руанды Кигали постоянно был слышен звук мачете, которыми с угрозой скребли по мостовой. Может быть, через 12 лет именно эти мачете вонзались в тела жителей европейских городов, чиркали по камням Берлина, Лондона и Парижа.

Можно ли было остановить насилие в Африке и Ближнем Востоке, резню в Руанде, бомбардировки в Ливии, банды наемников в Сирии? Можно, но не остановили. Как результат, сегодня на наших глазах происходит раскодирование мира. Создаются новые матрицы для неясных, но возможных проблем в будущем. Новый миропорядок рождается в горе и слезах, в смертях и крови, в страданиях и муках. Полем сражения становится когнитивное пространство, ментальная сфера, интеллект и менталитет народов, их национальная и культурная идентичность.

Будущее завораживает, манит и пугает одновременно. Оно способно вызывать широчайший спектр чувств: от удивления и неприязни до иронии и торжества несправедливости. Количество перемен переходит в исключительно отвратительное качество, и не известно, чего ждать человечеству в дальнейшем. Предсказывая будущее, люди часто испытывают тревожные чувства, детерминируемые объективной реальностью, активно навязываемые фильмами-ужасниками и литературными катастрофами, основанными на торжестве животных инстинктов над человеческим разумом.

Как утверждают многие современные ученые, будущее можно проектировать, моделировать, программировать. Главный герой известного фильма «Терминатор-2. Судный день» был убежден, что «будущее не определено. Нет судьбы, кроме той, что мы творим сами». Все совершенно справедливо. В период формирования шестого технологического уклада, в который входят нанотехнологии, клеточные технологии, методы геномной инженерии и другие источники знаний, в эпоху сознательного моделирования представлений и эмоциональных оценок прошлого, настоящего и будущего, особое значение имеет тщательное изучение источников, методов и технологий защиты от целенаправленного насилия над ценностными и мотивировочными основаниями социальной действительности.

В Институте социологии НАН Беларуси постоянно проводятся многочисленные социологические исследования, направленные на изучение объективной социально-политической и культурно-исторической реальности. Исследования показывают, что белорусские нация и государство состоялись, что они имеют исторические, национальные и социокультурные историю и традиции, ценности и особенности, идеологию и менталитет, которые во многом детерминируют развитие современного мировоззрения и влияют на формирование будущих моделей белорусского государства. Однако для того, чтобы более детально их изучить, ученые института вышли на идею научного определения влияния различных субъективных факторов и объективных причин на развитие национального государства, создание парадигмы цивилизационного

кода белорусского общества как важнейшего инструмента изучения воздействия прошлого на настоящее и будущее.

Необходимо, прежде всего, понять, что такое кодирование в гуманитарной сфере и что такое цивилизационный код. Что составляет парадигму его развития? Геополитическое положение? Идеология? Смысл жизни? Религия? Фундаментальные ценности? Менталитет? Культура? Ум и интеллект? Идентичность? Хозяйственный уклад? Способ мышления? Если взять какой-либо из этих компонентов за основу, то это будет экстраполяция парадигмы монистического анализа на цивилизационный контекст развития общества, что совершенно не верно.

По нашему мнению, кодирование – это специфический способ мыслительной деятельности, создание своеобразного коммуникационного пространства, которое имеет свою структуру, функции, динамику и представляет специфическую модель окружающей действительности. При помощи кодирования происходит формирование и передача информации от одного источника к другому. Причем, по мнению известного ученого Михаила Лотмана, кодирование не прибавляет каких-то новых знаний к уже имеющимся, его задача – трансформировать уже имеющиеся знания и сведения, перевести их в уже существующую систему значений [1].

А что такое код? Многочисленные споры вокруг данного вопроса детерминированы, прежде всего, расширением сферы семиотики, сближением лингвистических и логико-семантических исследований, использованием в семиотических трудах социологического, кибернетического, информационного подходов, структурно-функциональных методов. В современной социологической науке до сих пор отсутствует общепринятое понимание кода, нет точного представления, когда эта дефиниция появилась в социологии.

Кодирование непосредственно связано с разработкой логических языков, изучением процессов искусственного порождения и дешифровки текстов, автоматического анализа его содержания. Известный исследователь Умберто Эко в знаменитой работе «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» утверждал, что «необходимость в коде возникает тогда, когда происходит переход от мира сигналов к миру смысла. Мир сигналов – это мир отдельных единиц, рассчитываемых в битах информации, а мир смысла – это значащие формы, организующие связь человека с миром информации, с миром идей, образов и ценностей данной культуры» [2]. По его мнению, «код – это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми» [2, с. 44].

В теории коммуникации код является важнейшим фактором восприятия и понимания сообщения, в криптографии означает «секретное, условленное сочетание цифр или букв, дающее право доступа куда-либо или к чему-либо» [3, с. 436].

В современную социологию и семиотику понятие «код» пришло из теории информации, где он понимается как «совокупность правил отображения элементов одного набора на элементы второго набора. Элементами могут быть знаки или цепочка знаков. Первый набор называется кодовым набором, а второй – набором элементов кода. Код данных – система, образуемая кодовым набором и правилами, по которым из элементов этого кодового набора строят данные при кодировании» [4, с. 53].

Код, по нашему мнению, это комплекс условных обозначений (или сигналов) для записи (или передачи) заранее определенных понятий, система (структура), носящая осознанный характер, обусловленная договоренностью, обладающая регулятивной и системообразующей функциями в информационных и коммуникационных процессах; выступающая основополагающим правилом при формировании конкретных сообщений.

Таким образом, код – это способ передачи определенной информации: знаний о мире и социального опыта, навыков и умений в данной социокультурной среде, а в его смысловом значении лежит аттитюд об устойчивом комплексе формальных и неформальных принципов и правил, норм и установок, регулирующих взаимодействие людей в определенной области жизнедеятельности и организующих его в систему ролей и статусов и способных быть основой формирования и развития цивилизационных отношений [5; 6].

Операционализация понятия «цивилизационный код» в современной социологической теории является достаточно сложным и динамичным проблемным полем, что подчеркивает объективные затруднения при формировании дефиниции такого обширного по содержанию феномена. Это во многом объясняется сложной природой самого явления, многовариантностью и разнообразием, неоднозначностью и многоаспектностью его содержания, неординарностью структуры, многообразием форм проявлений. Кроме того, вопросы цивилизационного кода рассматриваются различными авторами в различных исторических, социально-экономических и политических условиях, в зависимости от их личной точки зрения и гражданской позиции, отношения к действительности. Важен поиск реперных точек, при соединении которых возникает территория трансляции смыслов социальной реальности цивилизационного кода.

Предлагаю следующее авторское определение: цивилизационный код – это исторически сложившаяся система, особая комбинация символов, знаков, сигналов, средств антропологического и социокультурного характера, определенных коммуникаций (отношений), элементов самовыражения, своеобразных маркеров, формирующих социальное пространство национальной реальности и благодаря которым передается накопленный социальный опыт и смысл жизни от поколения к поколению, идеалы цивилизации воспроизводятся в сознании людей, которые адекватно воспринимают и реагируют на происходящие пространственно-временные процессы [5–7].

Цивилизационный код предполагает наличие в социуме определенной системы доминирующих ценностей и смыслов, взглядов и традиций, форм общения и социальных укладов, исторической памяти и мировоззрения, поведенческих форматов и знаний, умений и навыков. Именно они детерминируют развитие нации и общества, передаются от поколения к поколению через образование и воспитание, позволяют минимизировать риски и вызовы, сами формируются в процессе исторического развития, интеллектуального и морально-нравственного воспитания. Цивилизационный код включает совокупность знаний и искусственных способов деятельности, которыми обладает социальность (социокоды) и которые могут также передаваться социальными субъектами генетически. Следует особо подчеркнуть, что процессы передачи социальной информации во временном пространстве гораздо менее запрограммированы, чем процессы передачи генетической информации, так как отсутствует фатальная неизменность воспроизводства сложившихся общественных отношений. Каждое новое поколение постоянно находится перед выбором: что из наследия отцов, утратившее свою непосредственную практическую ценность, необходимо сохранить или забыть, а что из сохраненного использовать, но уже в новом качестве [8].

Цивилизационный код – это целостный, устойчивый, идущий через многие столетия комплекс часто неосознаваемых социальных и культурных предписаний, поведенческих установок и практик. Он достаточно сложен и эффективен, отлажен, но постоянно меняется, учитывая вызовы времени и социальной реальности. Цивилизационный код, по терминологии известного ученого Михаила Петрова, является так же и социальным геном [9].

Цивилизационный код, согласно теории Пьера Бурдьё, можно понимать как социальное поле, в котором тесно взаимодействуют основополагающие, системообразующие характеристики, связанные с определенными поведенческими и ментальными стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, различными социальными и идеологическими ориентациями. Поле представляет собой конкретно заданный тип игры, в нем имеется своя логика или свои правила игры. При этом в поле цивилизационного кода можно выделять субполя, например, культуры (в узком смысле), образования, здравоохранения, спорта, туризма, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Социальная структура в многомерном пространстве цивилизационного кода детерминируется позициями агентов, определяемыми в свою очередь общим объемом социального капитала и удельным весом стратегий поведения и базовых ценностей, культурных и религиозных, духовных и этнических характеристик и т. д. [10].

Социальное пространство цивилизационного кода можно понимать как пространство коммуникативное. Взаимодействие происходит как на уровне хронологическом, так и на уровне топологическом, способствуя самоидентификации цивилизационного кода, выделению его структурных элементов и смысловых элементов. Социальное пространство цивилизационного кода – это особый коммуникативный феномен, где коммуникация между локальными цивилизациями

осуществляется в ходе диалога между ними, через формирование особого коммуникационного поля смыслового взаимодействия [10].

Что входит в его структуру? Цивилизационный код предполагает при всех экономических и идеологических, политических и социальных различиях комплекс определенных смыслообразующих факторов, характерных черт, фундаментальных ценностей, долговременных признаков, культурных и религиозных, духовных и этнических характеристик, исторических традиций, особенностей менталитета.

Цивилизационные различия кода включают в себя показатели этничности, ментальности, конфессиональности, гражданственности, языка, культуры, традиций, образования, устоев, укладов, территории, общности исторической судьбы, коллективной памяти и т. д. Проявляют они себя в рефлексивной и социально-поведенческой культуре, психологии, ментальности. Джордж Мэрдок называл семьдесят универсалиев, которые могли бы быть нами отнесены к особым элементам цивилизационного кода. Среди них – этика, мораль, религия, тип семьи, мифология, фольклор, музыка, особенности невербального общения, игры, танцы, спорт и т. п. [11].

По мнению известного российского исследователя Александра Никифорова, цивилизационный код любого общества – сложный феномен и состоит из нескольких кластеров: мировоззренческого (алгоритмы распознавания/восприятия информации), летописного (набор источников кода, включая достоверные исторические данные), фактологического (умение работать с информацией; выражается в прикладных технологиях, включая разного рода идеологии), экономического (обеспечение узлов, элементов, механизмов системы, исходя из выбранной модели управления), генетического (забота о людях как о материальных носителях кода) [12].

Одним из важнейших структурных носителей цивилизационного кода является историческая память. Прежде всего, следует понять, что такое память. «Память, – подчеркивает известный философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер, – это собрание мыслей. Мыслей о чем? О том, что держит нас в нашей сущности постольку, поскольку мы его мыслим. В какой мере мы должны мыслить держащее нас? А в той, в какой оно испокон века является тем, что должно осмыслиться. Когда мы осмысливаем его, мы одариваем его воспоминанием. Мы отдаем ему воспоминание, потому что оно желанно нам как зов нашей сущности» [13, с. 140]. Память – это нравственное качество, которое делает людей людьми. Она представляет собой напоминание о сущности и быстротечности времени. Важно помнить о прошлом, о совершенных поступках и принятых решениях, в погоне за лучшей жизнью не топтать настоящее, не издеваться над будущим. Прошлое – величина постоянная. Что было, то есть. Оно навеки, навсегда в нашей памяти.

История – один из объектов памяти. Важно помнить, понимать и уважать историю. История – это не просто череда событий и фактов, дат и имен. Это, прежде всего, понимание истинных причин и взаимосвязей различных явлений и событий, причем причин глубинных, уходящих истоками во времена, часто бесконечно далекие от тех, когда эти явления и процессы происходили. Важно понимать, что в истории все взаимосвязи и факты, явления и процессы, события и люди, причины и следствия связаны друг с другом. История – это алгоритм этих причин и следствий, где каждое действие взаимодействует с предыдущим и влияет на последующее, а историческая память способна, прежде всего, обезопасить человека от повторения многих разрушительных ошибок. Только порядочный ученый, анализируя цепочку замысловато переплетенных событий и причинно-следственных связей, способен увидеть и понять истинный смысл исторических событий, запомнить и запечатлеть его на различных носителях, не насилуя ради сиюминутных выгод недалеких политиков. В истории кодируется культурное наследие, опыт и мудрость предыдущих поколений. Ложное толкование исторических фактов уводит последующие поколения от понимания того, как это было на самом деле, от той действительной опоры, от того фундамента, на котором находится современное общество.

История – это реализация конкретного цивилизационного кода. В истории нет ничего случайного, она сама выбирает героев. Великий русский поэт А. С. Пушкин отмечал, что историю дал нам Бог, и она в принципе не могла быть иной. Исторические достижения белорусского народа всегда опирались на национальное сознание и менталитет, нравственность и духовность, культурные традиции, интересы и ценности. Именно в прошлом содержатся уроки, которые

важно усвоить, чтобы уверенно двигаться в будущее. Но в истинном, а не придуманном прошлом. История социально детерминирована. Она формирует образы и символы, апеллирует к прошлому, к традициям, закрепляет смыслы и канонизирует ценности, связывает прошлое, настоящее и будущее многих поколений, делая их народами с неповторимой парадигмой развития.

В рамках цивилизационного кода важно раскрыть сущностные черты и структурные элементы исторической памяти, ее роль в сохранении и укреплении социально-духовных оснований бытия, возможного использования исторического опыта в деятельности людей или возвращения его в сферу общественного сознания. Тем более, что для социологии социальный опыт прошлого является одним из важнейших объектов исследования. Таким образом, историческую память можно понимать как фиксацию, хранение, воспроизводство и трансфер социального опыта, изложенного в ретроспективной информации о ключевых событиях, как отбор знаний и опыта, образов и образцов прошлого, передачу их от поколения к поколению, как восприятие истории массовым сознанием, как совокупность представлений о прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая когнитивный, образный и эмоциональный аспекты.

Историческая память – сложно структурированный элемент духовной жизни общества. Ее основу составляют несколько объектов, которые обладают определенной иерархией, структура которой зависит от исторического и социального контекстов. Иногда различные подсистемы вступают в конфликт между собой. Выбор доминирующего объекта патриотизма имеет ситуативный характер и определяется социальным контекстом. Историческая память сохраняет для общества глубинные, жизненно важные смыслы и идеалы, образы и ценностные ориентации, традиции и стереотипы, фиксируется в комплексе символов и значений, передающихся от одного поколения к другому через фольклорные традиции и обряды, верования и государственную символику, литературные произведения и т. д. В основе исторической памяти находятся социальный опыт, воспоминания и временные процессы. Социальным субъектам через ментальные каналы, насыщенные энергией чувств, пережитых в прошлом людьми, открывается и сохраняется общественно ценная и важная для будущих поколений информация. Одной из важнейших функций исторической памяти является передача исторически конкретному человеку, а через него – целым поколениям людей совокупности социальной ранее созданной информации [8].

Коллективный опыт, сформированный в процессе развития образных представлений о мире, составляет теоретическое ядро исторической памяти. В содержание исторической памяти как важного фактора цивилизационного кода входит информация, зафиксированная в предметах материальной культуры, в сложившихся социальных отношениях, в практических нормах поведения, в навыках трудовой деятельности и других социальных связях и структурах, воспроизводимых с помощью опыта и традиций. Открытия будущего находятся в недрах прошлого, социальный опыт предков наполняется актуальным содержанием, направленным на развитие будущих поколений.

«Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не понимать этого и не ощущать прошлое... значит, не понимать настоящее», – утверждал Д. Неру, один из величайших политиков мира, лидер индийского национально-освободительного движения [14].

Российский социолог Виталий Ружа выделяет следующие качественные признаки исторической памяти: взаимная детерминация памяти индивидов и групп; воспоминания всегда являются реконструкцией; неизменность прошлого в памяти индивидов; темпоральность воспоминаний; утрата воспоминаний; историчность (приспособление к новым условиям) коллективной памяти; управляемость памятью (полная или частичная утрата); память о прошлом и формируется, и деформируется одновременно [15].

К основным процессам исторической памяти относятся запоминание и сохранение, забывание и восстановление информации. Социальными механизмами (институтами) освоения прошлого являются школа и вуз, политические институты и художественная литература, средства массовой информации и мемориальные комплексы (музеи и памятники), которые обеспечивают участие ретроспективной информации в формировании мировоззрения личности. Однако здесь

выявляется еще одна очень важная проблема: резкое падение интереса к истории. История должна формировать патриотизм, а не вносить раскол между регионами, поколениями, социальными группами.

Историческая память кристаллизуется через временные или символические, пространственные «сгустки» памяти, печать прошлого, востребованного настоящим: места поклонения, праздники, с которыми общество связывает прошлое, мемориалы, музеи, юбилеи. Память является символическим способом удержания и запоминания содержания прошлого, тем самым меняются ее социальные функции. Она становится способом конструирования социального настоящего и будущего, инструментом социализации и идентификации последующих поколений и отдельных групп. Эти места сохранения памяти постоянно конструируются и реконструируются соответственно запросам настоящего [8; 15; 16].

Основными носителями исторической памяти являются социальные субъекты как участники событий; овеянные источники знаковой информации и средства ее передачи; вещественные объекты, которые могут быть и не предназначены для передачи социальной и исторической информации (например, орудия труда в широком смысле слова).

К социальным факторам, влияющим на рост объема, плотности и хронологической глубины исторической памяти, относятся количество населения; увеличение продолжительности жизни; повышение уровня культуры, грамотности и т. д. Факторами ускоренного развития исторического процесса являются «уплотнение» и «ускорение человеческой истории», ее «наполненность». Таким образом, можно сделать вывод, что объем исторических событий прямо зависит от социальной деятельности конкретных людей. К факторам дезорганизации относятся (кроме естественного старения носителей информации) их гибель в результате стихийных бедствий, войн, революций и борьбы в классовом обществе. Общество, потерявшее историческую память, перестает ощущать себя субъектом истории, так же как отдельный человек, потерявший память, теряет свою личность [8; 15; 16].

Как утверждают многие исследователи, любая социальная общность насчитывает несколько поколений предков, которые «населяют» область бессознательного и управляют этой ментальной территорией. Гюстав Лебон утверждал, что судьбой народов в гораздо большей степени руководят прошлые поколения, чем живущие в настоящее время [17]. Это достаточно сложный амбивалентный подход, который имеет право на существование. В тяжелые исторические периоды, когда происходит переход общества от одного качественного состояния к другому, всегда находятся политики и ученые, теоретики и практики, которые целенаправленно «корректируют» исторические факты для «правильного» понимания современных событий, причем подведя под это научную основу. Вспомним Фридриха Ницше, который утверждал, что «настоящее же, то есть бытие, не нуждается в памяти» [18]. Трудно согласиться с ним и с его современными последователями, которые активно занимаются «критическим переосмыслением прежних оценочных критериев в новой парадигме». Они, ссылаясь на Ф. Ницше, пытаются переписать историю, утверждая, что события прошлого имеют ценность и значения только для того периода времени.

В таких условиях прошлый исторический опыт теряет устойчивость, последующие поколения не принимают его «на веру»: появляется опасность, что этот опыт или его часть будут полностью утеряны. Как показывают социологические исследования, исторической памятью, в которой заложены сведения и символы, соединяющие людей в общество и обеспечивающие наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения, можно умело манипулировать [19]. Тогда вновь на передний план выходят профессиональные осквернители истории, которые целенаправленно насилуют историческую память. Они натравливают поколение на поколение, ссорят отцов с детьми, дедов с отцами, верующих с неверующими, русского с русским, всех русских со всеми нерусскими.

Вспомним Джорджа Оруэлла, «отсюда же следует, – цитирую его роман «1984», – что, хотя прошлое изменчиво, его ни в какой момент не меняли. Ибо если оно воссоздано в том виде, какой сейчас надобен, значит, эта новая версия и есть прошлое и никакого другого прошлого быть не могло» [20]. Однако в структуре цивилизационного кода любого общества имеются стабилизирующие элементы, возвращающие общество к глубинным смыслам понимания прошлого. Это

коды исторической памяти, которые содержат социокультурные и смысловые начала общности, на них основаны ментальные и поведенческие особенности настоящих поколений. Эта борьба достаточно четко прослеживается сегодня, когда многие знаковые события как для белорусского общества, так и для всего человечества, преподносятся совершенно по-разному, а учебные пособия и средства массовой информации откровенно лгут, используя фашистские идеологические методы.

Например, для подавляющего большинства жителей Беларуси Великая победа Великого народа в Великой войне – это главное событие прошлого столетия. Социологи спрашивали: «Какие чувства Вы испытываете в связи с Победой нашей страны над фашистской Германией, освобождением Беларуси от фашистов?». 95,8 % жителей страны ответили – чувство благодарности участникам войны, спасшим страну от порабощения, чувство гордости за страну, победившую фашизм. Историческая память о Великой Отечественной войне, освобождении Беларуси от немецко-фашистских захватчиков является смыслообразующим элементом духовного настроения белорусского народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление имеющихся проблем, на решение стоящих перед ним экономических, социальных и политических задач [19].

Вдруг совершенно неожиданно нашлись люди, которые глумятся над памятью миллионов погибших воинов. И самое страшное, что это наши соседи, чьи предков своей грудью заслонили советские солдаты и чьи памятники теперь уничтожаются, а могилы оскверняются. В условиях глобального противостояния именно раскодирование исторической памяти является своеобразной «артподготовкой», которая создает реальные возможности для нанесения мощных идеологических и финансовых, экономических и геополитических, психолого-исторических и других ударов ярых врагов белорусского народа. Кроме того, уничтожение исторической памяти – это целенаправленная трансформация сознания, направленная на разрушение и изменение когнитивного поля.

Историческая память имеет свойство бледнеть, меркнуть, истончаться с годами, растворяться во времени, особенно под целенаправленными атаками нечистоплотных и юродствующих историков, журналистов, писателей. Однако если каждый гражданин, государство и гражданское общество с уважением относятся к своему прошлому, каким бы сложным оно не было, к могилам своих предков, к сединам отцов, то формируется нация, народ, любящие, уважающие Родину. Если же часть нации, пусть даже и продвинутая, уничтожает память, разрушает памятники, обливает грязью историю, то в этой стране обязательно вырастут такие люди, которые через некоторое время, повторяя опыт старших товарищей, уничтожат все, что эти старшие товарищи делали.

Важными компонентами исторической памяти являются традиции и обычаи, которые, несмотря на динамизм общественного развития и существенное увеличение социального пространства и информации, являются важнейшими механизмами передачи духовных ценностей и социального опыта, сохранения того лучшего, что было у предков. Традиция есть способ создания знаковой системы памяти о прошлом. Они являются формами движения общества в будущее, так как придают развитию направленность, освобождают его от неоправданных метаний и колебаний.

Традиции нужно беречь, добиваться, чтобы люди не стали бы «манкуртами», не помнящими родства. Если в обществе нет своих традиций, то люди будут воспринимать культуру чужих государств. В таком случае теряется лицо народа, его самобытность. Зачем копировать образ жизни других социальных групп и национальностей, как сейчас иногда делается, отвергая жизненный опыт собственной Родины?

Белорусские государство и общество ценят, помнят и уважают свои традиции. Для многих жителей Беларуси Великий Октябрь был победой социальной справедливости. Он остался им и сейчас. Может быть поэтому социальная справедливость как ценность для белорусов является не пустым словом. Красный флаг над Рейхстагом, пропитанный кровью наших дедов, – это тоже традиция. Он и сегодня гордо реет над одним из символов белорусской столицы – Музеем истории Великой Отечественной войны. И пятилетний мальчишка, который раньше родителей бежит в этот музей, будет прекрасным хранителем и продолжателем традиций. И пусть у него

в будущем в жизни будет много музеев, но этот останется главным в его жизни, а у Беларуси, пока в Музей истории Великой Отечественной войны «не зарастет народная тропа», гарантировано прекрасное будущее. Социологические исследования показывают, что если не ломать, не уничтожать традиции, не идти на колоссальные цивилизационные риски и издержки, связанные с уничтожением всего того лучшего, что есть, то народ, нация, общество будут успешно развиваться и целенаправленно идти вперед. Не так, как это происходит у некоторых наших соседей, где граждане оскорбляют друг друга, морально и физически убивают, глумятся над памятью предков, разрушают их могилы, уничтожают символы и памятники.

Бездумное копирование матрицы развития других народов приводит к сужению исторической перспективы. В Беларуси на основе исторической памяти необходимо разработать национальную цивилизационную систему ценностей, подстроить под нее образовательный, информационный процесс, сформулировать национальную идею и идеологию белорусского государства и донести их до широких слоев населения через систему образования и средства массовой информации, культуру и политику.

Список использованных источников

1. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 485 с.
2. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Symposium, 2006. – 540 с.
3. Значение слова «код». Русский язык как государственный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/7755. – Дата доступа: 15.01.2015.
4. Кловский, Д. Д. Теория передачи сигналов / Д. Д. Кловский. – М.: Связь, 1984. – 376 с.
5. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2015. – 499 с.
6. Котляров, И. В. Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретико-методологические основания / И. В. Котляров // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуман. навук. – 2016. – № 4. – С. 20–32.
7. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 392 с.
8. Илизаров, Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) / Б. С. Илизаров // Вопр. философии. – 1985. – № 8. – С. 60–69
9. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
10. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1993. – 403 с.
11. Багдасарян, В. Концепция цивилизационного генокода: цивилизации как живые системы [Электронный ресурс] / В. Багдасарян. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/forecast/konceptsiya-civilizacionnogo-genokoda-civilizacii-kak-zhivye-sistemy>. – Дата доступа: 15.01.2015
12. Культура как бизнес: не всем дано, но для каждого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kob-media.ru/?p=25878>. – Дата доступа: 15.01.2015
13. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
14. Неру, Дж. Открытие Индии / Дж. Неру. – М.: Политиздат, 1989. – 460 с.
15. Ружа, В. А. Патриотическая культура и ее измерения [Электронный ресурс] / В. А. Ружа // Современные исследования социальных проблем. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskaya-kultura-i-ee-izmereniya>. – Дата доступа: 15.01.2015
16. Рождественская, Е. Ю. Социальная память как объект социологического изучения / Е. Ю. Рождественская, В. В. Семенова // ИНТЕР. – 2011. – Т. 1, № 6. – С. 27–48.
17. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
18. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни: в 2 т. / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 158–230.
19. Котляров, И. В. Гордиться славой своих предков. Великая Отечественная война в памяти народа: социологические тренды / И. В. Котляров // Беларуская думка. – 2014. – № 8. – С. 88–91.
20. Оруэлл, Дж. 1984 / Оруэлл, Дж. – М.: АСТ, 2015. – 320 с.

References

1. Lotman Yu. M. *The Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the thinking worlds. On the semiotic mechanism of culture*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 485 p. (in Russian).
2. Eco U. *The missing structure. Introduction to Semiology*. Saint Petersburg, Symposium Publ., 2006. 540 p. (in Russian).
3. *The meaning of the word “code”. Russian as a state language*. Available at: rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/7755 (accessed 15 January 2015) (in Russian).
4. Klovskiy D. D. *Theory of signal transmission*. Moscow, Svyaz' Publ., 1984. 376 p. (in Russian).
5. Kotlyarov I. V. (et al.) *Belarus on the way to the future: the sociological dimension*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015. 499 p. (in Russian).

6. Kotlyarov I. V. Civilizational paradigm of the belarusian society: theoretical-methodological bases. *Vesci Nacyjanal'naj akademii navuk Belarusi. Seryja gumanitarnyh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series*, 2016, no. 4, pp. 20–32 (in Russian).
7. Kotlyarov I. V. (et al.) *Belarusian society in the context of civilizational and cultural code: the sociological dimension*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 392 p. (in Russian).
8. Pizarov B. S. The role of retrospective social information in the formation of public consciousness (in the light of the notions of social memory). *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 1985, no. 8, pp. 60–69 (in Russian).
9. Petrov M. K. *Language, sign, culture*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 328 p. (in Russian).
10. Bourdieu P. *Sociology of Politics*. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 403 p. (in Russian).
11. Baghdasaryan V. *The concept of civilizational genocode: civilizations as living systems*. Available at: <http://rusrand.ru/forecast/koncepciya-civilizacionnogo-genokoda-civilizacii-kak-jivye-sistemy> (accessed 15 January 2015).
12. *Culture as a business: not everyone is given, but for everyone*. Available at: <http://kob-media.ru/?p=25878> (accessed 15 January 2015) (in Russian).
13. Heidegger M. *Talking on a country road*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 192 p. (in Russian).
14. Nehru, J. *Discovery of India*. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 460 p. (in Russian).
15. Ruzha V. A. Patriotic culture and its dimensions. *Contemporary studies of social problems*. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskaya-kultura-i-ee-izmereniya> (accessed 15 January 2015) (in Russian).
16. Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V. Social memory as an object of sociological study. *INTER*, 2011, vol. 1, no. 6, pp. 27–48 (in Russian).
17. Lebon G. *Psychology of the peoples and the masses*. Saint Petersburg, Maket Publ., 1995. 311 p. (in Russian).
18. Nietzsche F. *On the benefits and harms of history for life. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ., 1990, pp. 158–230 (in Russian).
19. Kotlyarov I. V. Be proud of the glory of your ancestors. The Great Patriotic War in the memory of the people: sociological trends. *Belaruskaya Dumka = Belarusian Duma*, 2014, no. 8, pp. 88–91 (in Russian).
20. Orwell J. *1984*. Moscow, AST Publ., 2015. 320 p. (in Russian).

Информация об авторе

Котляров Игорь Васильевич – д-р социолог. наук, профессор, директор. Институт социологии НАН Беларуси (ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kotlarov@socio.bas-net.by.

Information about the author

Kotlyarov Igor Vasilyevich – D. Sc. (Sociology), Professor, Director. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1, build. 2, Sarganov Str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kotlarov@socio.bas-net.by.